

— 1970/1

Так можно казав похвастаться на гра-
вом пени. У кортавика надо побоч осла-
бить, что бы свободнее было голове. Вот как
погидиши, чуть не к самой дуре, словно
в зотти собрался ехать, ютто не так
делаши! Надо самому следити симио,
пора чре кадригнесь, та ведр не дитика
кешилетиний. Шебе соро четвернодцати
стуркий.

Сказав эти слова, Роевский Яков-
левич тут же подтвердил: «Какой же
он еще какаше?» Вё лицо приняло
таинский вид, из глаз метрополивалас
слезы.

— Мама, а та елодур разве не на
подежной работе? — спросил Фрол, переиззы-
вая потрошко.

— Нет свилок, надо сначала свою тра-
ву выкосити пока стоит хорошая погода,
запрятати — что скоро дудетти?

— Виче один закон всталише и дубеши
вотпрдлати, лошадей Кор.мине. А вестрам
Мамаи какаше тогда, когда Нгар бивнеи
завтра динши зарожити.

— Закаивай свилок, закаивай.
А потом вместе со мной поидеши на подежные
работи. Надо заридателате дени? Напокур-
ну када. Дурки у нас совсем мало, а фени и вова
каша. Шебе за туд дурки надо работати
три дня, твоя подежничина стоит сорок

копеек, а за трудилуки надо отпустить рубль двадцать. Вот и считай. Ну, отставай-теся, я пошла, а завтра опять приду.

Когда Соколия Яковлевна пристыжила к семокошенишо, была уже елисейская жар. Соколия пошла не назад. В небе высоко кружились пролетающие коршуны. Но она только спускалась вниз, то снова поднималась вверх, не желая распускаться на прощание. «Ах, так зерт ттокой! Не позогу воротит!» - барчукаше Соколия Яковлевна, не спуская глаз с коршуны.

Трава была на огороде высокая, но зуртвая, косить её было легко. Лиски изредка попадались мелкая резушка. На середине дорожки виднелась два не толстых соколика, отпавшие шестна ко-роткие.

Проходя первый прогос, Соколия Яковлевна замечает потюк, она спросила с себя тодуку и варничю кобту. В кружили отойти зуртвая тикунки, шк не шккох-китныз ни одна травинка, ни один листик на Терезав. Пудя не взалише все вромитт, гурдестад, перемавилеяд, поучаила какое-то не отисудило крави-вое зурлише.

После десятого прогоса Соколия Яковлевна решила поидеатте. Обед у неё был

еальной простотой: кусок хлеба и изюмница,
притивана сырой водой, принесенной с куро-
га. « Все сегодня выжило еще оттого
же, тогда оттапаны еще завтужи на день»
говорила про себя Соломиня Яковлевна. Но си-
чиной так, что у ней старшине задо-
мля голова, видимо нагрело солнышко. Она
кое-как, с большими трудами пролегла еще
два прокоса и слегла. Больше не было
возможности работать, кружилась
голова. Она легла под плетник и про-
лежала до самого вечера, не покрывшая
голова. Когда солнце закатилось,
она собрала последние силы и пошатан-
вая, пошла домой. Добралась до дому,
кое-как постелела на кровати по-
стельку и легла, не покрыв голову.

II

Сегодня, в порядке мобилизации, при-
зывали в волостное правление сно-
дочек и курников поживших возмужав-
ших отправки в армию. Поэтому с
той и с другой стороны улиц слыш
народ: кто с котмиками за стеной, кто
с детишками на руках. Все мобилизо-
ваны и их соответствующие родные
и знакомые толпились во дворе

волокитном плаще, где бы сплошной
говор, кто говорит, кто плакал, а кто
и песни пел.

На протоптаных дорожках появились татары воору-
женных солдата, две стали на правую
двое створку, а две налево, приставил
внутности кноги. Товар и люди во дворе
среди веток.

— Кто бы это знали? — спросил
Василий Иванович, родин стоявшего с ко-
времевы Тимурей Вфимовича (по прозви-
щу Седрылоб) —

— Это триех карателем от-
рну, двадцать солдат русских и два
челюских офицера, — ответил Времев.

— А, что им здесь надо?

— Они проехали и скажи федерати-
ров и коммунистов. Говорят, что в
Круглом уже насилие и привезли сюда.

Солдаты, без команды, стали
по створке «вниз» повернув головы
к выходу.

В дверях появился человек высокого
роста, с черной окладистой бородой, сде-
лав руки назад. За ним в второй,

без бороды с длинными волоса.

Стоявшие солдаты повернулись, сдвинув
внутности на изгиб.

Следующий ступил и вышел

офицер, он на этот-русский азаре дал ко-
манду:

— Арестованных садить по одному чело-
век на подвой и с каждой двух боюраем-
ных солдат!

— Так это же, вот кто-Кругловский:
Будитов Ильярмон Андреевич и Иван Василий
Кудряков. За что же их арестовали?
— говорил Тимофей Таврицкий, устре-
мив удивленный взгляд ксеуд арестованным.

— Спросите бы у когонибудь — сказал Ва-
сильий Ильямов.

— А вот стюарт человек, с рясней бородой,
он еще Кругловский, вот я у него и спро-
шу, — вполголоса говорил Тимофей Таври-
цкий.

— Так это же Ермил Василий Алек-
сандрович, — брат Ефима Александровича. Видно
к нему подошли Тимофей Ефимович. Вроде бы
собираются идти к нему. Вот у него и
надо спросить. Кому пока не ушли, — говорил
Васильий Ильямов, переступив с деревашки на
сторону вой.

Из боюстакое правление еще выжили
месте солдат, дерто ваитовски пореших
пару пшо. Они стютиние с Крымцо и
проели поз навек за тарок.

Народ, толпившийся во дворе, сразу
затих, все недоуменно поглядывали

то на солдат, то один на другого.

— Босстой! Сколько же их прилетало в нашу
болотца? — Прометтама одна пошлая ~~с~~
менюшка.

Но краснота вылезла отов и ислорова
открыл. Двое вылезли еле за отов и наго-
ли раскатылавать кака-то бумага.
Вот одна в чина капитана, доволно
пошлая лет. Вонзал, поправил вылез,
одежен все присутствующих и громко
произнес:

— Внимание! Призываю в оруно
лицайте мои команды! Сталивать!
Потавей, потавей! Равидии! Визиро!
По порядку номеров расчитайте!

- Первый!
- Второй!
- Третий!
- Четвертый!
- Пятый!
- Шестой!
- Седьмой!
- Восемь!
- Девятый пошлени!
- Десятый!

С сегодидикаго дня
еийайте седа еоудатани! Ванда-
танн великой, непотесной руданой армис!
Армис призывайте заидицетю евою
роуину от красных, котороде несут